

понимала, что перед смертью люди чаще всего выживают из ума; и зная, какова была его воля, она решила истолковать эту волю на пользу детям, что, по-моему, весьма разумно.

– Как, – воскликнул Жебюрон, – не исполнить волю покойного друга – это, по-вашему, не преступление?

– Ну, разумеется, преступление, – сказала Парламента, – если только завещатель в твердой памяти и не совершает никакого безумия.

– Стало быть, вы считаете безумием отказать свои деньги церкви и бедным нищим?

– Я вовсе не считаю безумием, – сказала Парламента, – когда человек, умирая, раздает бедным все богатства, которыми господь его наделил. Но я не считаю, что он очень мудр, если он раздает как милостыню то, что ему не принадлежит. Вы ведь видите, что самые жадные ростовщики воздвигают самые красивые и роскошные часовни в надежде умилоустивить бога десятками тысячами дукатов, истраченных на постройку этих зданий, и расплатиться с ним за те сто тысяч, которые они награбили. Как будто господь совсем не умеет считать!

– В самом деле, я много раз удивлялась, – сказала Уазиль, – как это люди думают умилоустивить господя подношениями, которые Христос сам в земной своей жизни не одобрял: постройкой величественных зданий, позолотою, росписью и картинами. Но если бы они вникли в слова, некогда сказанные господом,³⁸² что единственным истинным приношением он почитает сердце смиренное и чистое, и в то, что говорит апостол Павел³⁸³ – что каждый из нас и есть тот храм, в котором господу угодно пребывать, – они бы пеклись при жизни, чтобы совесть у них была чиста, и не стали бы дожидаться того часа, когда человек уже не может сотворить ни добра, ни зла, а паче всего не заставляли бы тех, кто остается в живых, раздавать милостыню людям, которых сами они при жизни не удостоивали даже взглядом. Но того, кто видит сердце человеческое, обмануть нельзя, он будет судить их не только по их делам, но и по вере их и по милосердию.

– Почему же тогда, – спросил Жебюрон, – и францисканцы, и все нищенствующие монахи только и твердят нам, когда мы при смерти, чтобы мы заботились об их монастырях, обещая, что помогут нам попасть в рай, хотим мы этого или нет?

– Как, Жебюрон! – воскликнул Иркан. – Вы, должно быть, забыли, сколько вы же сами рассказывали нам плохого о францисканцах, если спрашиваете: «Неужели эти люди способны на ложь?» Говорю вам, нет на свете больших лжецов, чем они. Не будем особенно упрекать тех, которые пекутся о благе всей своей обители, но ведь есть среди них и такие, которые забывают проданный ими обет нищеты и думают только о том, чтобы удовлетворить свою жадность.

– Мне кажется, Иркан, что вы знаете такого монаха, – сказала Номерфида, – и если история эта стоит того, расскажите ее.

– Хорошо! – согласился Иркан. – Хоть мне и неприятно говорить об этих людях, потому что я причисляю их к разряду тех, о ком Вергилий сказал Данте:³⁸⁴

Они не стоят слов: взгляни, и мимо! –

но для того чтобы вы увидели, что, расставаясь со своей мирской одеждой, они не расстаются со своими страстями, я расскажу вам об этом монахе.

Новелла пятьдесят шестая

Одна благочестивая дама обратилась к монаху-францисканцу с просьбой найти мужа для ее дочери и обещала дать за ней такое большое приданое, что святой отец, надеясь завладеть деньгами, предназначавшимися ею для будущего зятя, выдал девишку замуж за своего младшего собрата – монаха, который каждый вечер являлся к

³⁸² Ссылка на Псалтирь (L, 18).

³⁸³ Ссылка на Второе послание к коринфянам (VI, 16).

³⁸⁴ Цитируется «Ад» Данте (песнь III, стих 51, перевод М. Л. Лозинского). У Данте эти слова сказаны о равнодушных, незаслуживающих, по мнению поэта, никакого внимания, поэтому их не принимают ни в Ад, ни в Рай.